

И.С. Хугаев

ОСЕТИНСКИЙ ИГГДРАСИЛЬ. ЗАМЕЧАНИЯ К БИЛИНГВАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОСЕТИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И.С. Хугаев

Аннотация. Рассматриваются принципы и алгоритмы решения профессором Н.Г. Джусойты вопросов языкового критерия литературы, моно-/би-/транслингвизма осетинской национальной литературы, генезиса, современного состояния и перспектив осетинской литературы в языковом отношении.

Ключевые слова: Нафи Джусойты, осетинская литература, осетинский язык, билингвизм, транслингвизм, линия и бифуркация, национальная школа, этнокультурный корень.

1. Возвращение Заратустры. История осетинской академической гуманитарной науки и общественной мысли знает много славных имен. Тем не менее мы можем выделить ряд мыслителей и ученых, которые выступают лидерами в своих научных областях и правомерно ассоциируются с их развитием и важнейшими достижениями. Афако Гассиев – философ, Васо Абаев – лингвист, Борис Калоев – этнолог, Нафи Джусойты – литературовед.

Без них уже нельзя представить себе ни истории, ни содержания национальной гуманитарной науки. В частности, современный осетинский литературовед и литературный критик не может быть независим от Н.Г. Джусойты без ущерба для своих исследований. Это такого рода зависимость, единственно на основании которой может быть обретена свобода.

Я узнал это на собственном мятежном опыте, когда позволил себе в работе над докторской диссертацией опустить некоторые исследования профессора Джусойты, лукаво предположив, что он изначально закабалит мое собственное мышление и навяжет мне свои оценки, заставив при этом думать, что таковы и мои собственные. В таком поведении исподволь выразилось мое нищестанство: я исполнил заветы пророка, который говорил своим ученикам: «Уходите от меня и защищайтесь от Заратустры!.. Быть может, он обманул вас». А потом сама собой исполнилась и другая часть завета: «...и, когда вы... отречетесь от меня, я вернусь к вам» [1, с. 56].

Замечу в скобках, что литературное учение Н.Г. Джусойты мне, конечно, было уже достаточно известно, и я имел незаслуженную честь полемизировать с ним еще в 1997 году, когда защищал свою кандидатскую диссертацию «Россия и Кавказ в историческом романе Х.-М.М. Мугуева «Буйный Терек». Точнее сказать, я был знаком с его концептуальными положениями, относящи-

мися к вопросам генезиса, истории и периодизации осетинской литературы и литературному билингвизму и транслингвизму, но не был знаком с его некоторыми монографиями, рассматривающими литературное творчество отдельных классиков осетинской литературы.

Итак, Заратустра вернулся: я сверился с наблюдениями и выводами Нафи; оказалось, что моя докторская диссертация могла быть несколько прочней в отдельных частях, но было уже поздно. Возможность внесения в диссертацию частных поправок, оговорок и ссылок я отверг, потому что они вырастали не из моей доктрины и выглядели бы в моих глазах (у меня не было на тот момент других) как заплатки, пришитые белыми нитками. Кроме того, они были бы паллиативом в решении новых вопросов, на которые так или иначе указывал Нафи.

При всей важности высказанных частных замечаний профессора Джусойты, защищаемая мной крепость не понесла большого урона. К тому же он великодушно простил мне эти огрехи. Зато он вменил мне неверное понимание самой сущности и логики литературной истории Осетии и явления литературного иноязычия: от этой инвективы, как от залпа тяжелых гаубиц, стены моей крепости содрогнулись.

2. Фикция раздора. Прошу коллег простить меня, что возвращаюсь к этой уже набившей оскомину теме, но ведь воз и ныне там. Кто-то скажет, что воза там уже нет, зато я сам все топчусь на том месте, где был воз. Это я и хочу прояснить в ходе данного рассмотрения общей – назовем ее так для краткости – билингвальной концепции профессора Джусойты (формулировка, тоже причиняющая мне некоторое этическое неудобство: Нафи Григорьевич не любит, когда его подозревают в «концепциях»; что-то он скажет? – ведь он прочтет). Предупреждаю, однако, что здесь есть рефлексия, не относящаяся непосредственно к концепции Джусойты; данный

Хугаев Ирлан Сергеевич – д. филолог. н., ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского отдела ВНИЦ РАН (shmkisel@rambler.ru).

текст является, скорее, рассуждением с самим собой по поводу его «уроков»; во всяком случае, некоторые мои замечания, как и построения Нафи Григорьевича, тоже будут носить «субъективный характер» [2, с. 12].

Нафи Григорьевич не занимался этой проблемой специально, хотя всегда держал ее в поле зрения. Она получила опосредованное отражение в работах «Коста Хетагуров и русская литература» (1953), «История осетинской литературы» (1980, 1985), в некоторых статьях, посвященных смежным проблемам – национального характера, литературных взаимосвязей и фольклорно-литературных отношений, а наиболее специально и акцентированно, смею думать, профессор Джусойты высказался по вопросу национально-литературного транслингвизма в официальном отзыве (первого оппонента) на мою докторскую диссертацию «Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление» (2010).

Попробую сформулировать суть наших разногласий с Нафи Григорьевичем, уже одно имя которого я произношу и упоминаю с почтением и гордостью подмастерья, неожиданно удостоенного внимания. Именно: я далек от обольстительной мысли, что мои знания истории и поэтики осетинской литературы могут хоть как-то быть сравнены с той степенью владения материалом, который характеризует работы Н.Г. Джусойты. Превосходство Нафи Григорьевича обуславливается, помимо субъективных критериев, и объективно-качественными: опытом и знанием родного осетинского языка и души (культуры) осетинского народа.

Тем не менее я полагаю, что рассматриваемый вопрос вполне лежит в рамках моих компетенций: в нем нет ни одного существенного аспекта, который мог бы остаться вне поля зрения билингвального осетина с преобладанием русского языка, каким я являюсь. Я защищал и защищаю позицию, согласно которой (я опускаю ее базовые положения и надстроечные нюансы) осетинская национальная литература билингвальна в целом и в части творчества подавляющего большинства осетинских литераторов.

В свое время Васо Абаев четко резюмировал нашу языковую историю и указал социолингвистические перспективы: «Двуязычие – наша естественная необходимость, наша судьба» [3, с. 294]. Мысль Абаева я применяю к литературе, ибо нет оснований думать, что у литературы есть отличная от народной судьба. Литературу, как и фольклор, создает народ. Литература – тоже судьба.

Нафи Григорьевич с этим согласен.

Но я иду дальше и утверждаю, что билингвальна также художественная литература, и ее русскоязычная ветвь, хронологически первичная, представляет собой часть осетинской

национальной художественной литературы, поскольку русскоязычие не является помехой выражению национальной идеи (идеологии) и национальной эстетики. Здесь Нафи Григорьевич категорически возражает: «...Национальная (художественная. – И.Х.) литература может существовать лишь на национальном языке... создание национальной литературной традиции на инонациональном языке – фикция» [2, с. 25]. Исключение Нафи Григорьевич делает только для публицистики и литературной критики, которые, по его мнению, могут и должны быть двуязычными в многонациональном государстве: данная ремарка обязывает нас квалифицировать концепцию Джусойты как все-таки *билингвальную* (монолингвальна, по Нафи Григорьевичу, только *художественная* русскоязычная литература), хотя от пышной русскоязычной ветви в этой системе остается только сучок: филология тоже не допускает «почти».

Что стоит за таким жестким суждением? Прежде всего, благородное желание защитить родной язык и осетинскую литературу – их культурный статус, престиж (каков есть), суверенитет и чистоту – языковую однородность литературы. В утрированном варианте это положение мы находим у С.Д. Рамонова: «Любая попытка дать русскоязычному произведению статус национального должна рассматриваться как серьезная угроза злокачественного перерождения национальной литературы» [4, с. 98]. Какой же, если так, дать ему статус?

Слабое звено данного построения выявляется, если мы соотнесем его с естественными «интересами» русской литературы как таковой. То есть вполне правомерен и вопрос, принадлежит ли такое произведение к русской литературе. Мы, представители младописьменных народов России, ратуем за чистоту и прозрачность своих литературных пространств, за четкость представлений и критериев, позволяющих отделять и семена от плевел, и свое от чужого, – и при этом забываем, что русская литература тоже хочет быть «чистой». Нужны ли ей Кундухов, Кануков, Хетагуров, Цаголов? Помимо остального, они никак не укладываются в современную им русскую литературу. Чисто стадийно они соответствуют русскому классицизму в лице Кантемира и Ломоносова, а идейно-стилистически – Пушкину, Лермонтову и отчасти (в лучшем случае) несколько более позднему Некрасову, – в то время как в литературной метрополии уже поднимали голос символисты – Вл. Соловьев, Анненский и Брюсов. Они не синхронны исторической динамике русской литературы, на что указывает сам Нафи Григорьевич [5, с. 4]. И что нового они дают собственно русской литературе? И что нового может сказать о них русский филолог? Он может дать только языковую оценку (и она, я по-

лагаю, не будет слишком высока), но никогда – культурно-историческую и этнопсихологическую. Замечательный образец подобных оценок и суждений, обусловленных незнанием национальных реалий, тоже приводит сам профессор Джусойты, вспоминая «одного критика, утверждавшего, что чеченцы даже диалог взяли из русской литературы», и справедливо называет такие «наблюдения» «оскорбительной бестактностью» [5, с. 3].

Однако подобных нелепостей и бестактностей было не так много, именно поскольку русская филология и русская критика не часто обращались к русскоязычным текстам нерусских писателей, априори полагая их не-русской литературой, – ввиду чего эти тексты рисковали остаться вне поля зрения науки (отчасти так оно и было).

Осетинские же критики и литературоведы, препарирующие русскоязычные произведения своих соплеменников, рассматривали и рассматривают их, естественно, прежде всего в контексте осетинских культурно-исторических реалий: не показывает ли это их подлинную этническую принадлежность, признаваемую «по умолчанию», априорно, аксиоматически? Априорные положения в гуманитарных науках тоже базируются на естестве и здравом смысле. Ведь и сам Нафи Григорьевич в своей докторской диссертации подробно рассмотрел Инала Канукова, «не написавшего ни одной строчки на осетинском языке» [6, с. 72], в чем В.И. Абаев усмотрел явное противоречие с базовыми декларациями диссертанта [6, с. 71–72].

3. Идея взаимности. За указанной литературной критикой и публицистикой, как мы сказали, Н.Г. Джусойты признает право оставаться (в отличие от художественной литературы) билингвальными, таким образом легализуя термины «осетинская русскоязычная литературная критика» и «осетинская русскоязычная публицистика»: на наш взгляд, коренное противоречие между «осетинским» и «русскоязычным» – именно в значении, которое актуализируется Нафи Григорьевичем, – здесь вовсе не снимается, и отсылки к политическому устройству российского государства в строгом диалектическом смысле малоубедительны.

Рассуждая о языковой природе Осетии и осетинского общества, профессор Джусойты в ряде работ указывает на *издревле* (и на момент присоединения Осетии к России) *многонациональное* государственное устройство России. Тем самым Нафи Григорьевич хочет опосредованно указать на соотношение «престижных потенциалов» [7, с. 292] русской и осетинской культур и языков на момент присоединения Осетии к России, на то, что этот исторический акт имел прежде всего

значение для осетин, а не для России, которая вполне обошлась бы и без осетин, что, поступившись однажды суверенитетом ради выживания (хотя и здесь маленькая Осетия едва ли не растворилась в многоязыком российском море), мы не должны больше идти на компромиссы (каковым компромиссом должно выступать, вероятно, признание рассматриваемых русскоязычных текстов национальной литературой осетин).

Если я утрирую, то только чтобы четче обозначить свое понимание последнего вопроса. И чтобы было понятней мое возражение: выгоды России были если не очевидны, то *реальны* – и не только в геополитическом и экономическом, но и в культурном смысле. Последние тоже достаточно реальны, чтобы быть предметом науки. Культурные отношения можно уподобить гравитационным: они всегда взаимны, хоть эта взаимность не всегда очевидна. Допустим, с точки зрения массы Осетия так относится к России, как Луна к Земле; но Луна все же корректирует траекторию Земли и влияет на ее климат. Культурный ландшафт многонациональной России качественно и решительно меняется от наличия-отсутствия любого из его национальных субъектов. Это диалектически неопровержимо: Осетия, входя в состав России, становится отчасти Россией; Россия, принимая в себя Осетию, отчасти становится Осетией (иначе какой смысл в союзе?). «Осетинская русскоязычная литература» – и как обозначаемое, и как обозначающее (даже Соссюрово разграничение здесь не актуально) – есть не что иное, как выражение этой культурной взаимности и культурной симпатии (как «комплиментарности» [8, с. 44] Л.Н. Гумилева). Если осетин, пишущий по-русски, перестает быть сугубо осетинским, то и русский язык, когда им пользуется писатель-осетин, перестает быть сугубо русским языком [9, с. 2–6].

Я вижу эту взаимность во всем (и для меня эта идея бесценна): и в мире материальных вещей, и в мире духовных феноменов, и в сфере личных отношений – в том числе научных и художественных. Когда я бьюсь об стену, стена бьет в меня; когда я иду против совести, совесть идет против меня.

Вот как резюмирует С.А. Гринберг историю вопроса национального билингвизма: «...Незыблемый в течение сорока лет тезис о том, что «не бывает национальной литературы на ином национальном языке» (Н.Г. Джусойты, 1957), был серьезно поколеблен выводом о том, что «в условиях глубоких связей между культурами литература может существовать и на ином национальном языке», хотя «сроки языкового «инобытия» не бесконечны» (М.М. Ауэзов, 1997). Окончательно и доказательно тезис Н.Г. Джусойты был опровергнут в докторском исследовании И.С. Хугаева (2010)» [10]. Такая интерпретация

и льстит, и расстраивает. Я абсолютно убежден, что, не будь профессора Джусойты, я был бы совершенно другим человеком, и совершенно иными были бы мои взгляды на литературу. Изучая Нафи Джусойты, я становлюсь Нафи Джусойты.

Но и сам Нафи Григорьевич становился мной на какую-то толику, с терпением и тактом входя в подробности моей «доктрины» и включая меня в орбиту своих суждений. Никто из нас, честно относящихся друг к другу, не может оставаться только самим собой. Это означает в конечном счете, что при всем моем несогласии с профессором Джусойты (которое я вовсе не драматизирую) я не только не могу опровергнуть его, но, напротив, на определенном уровне образую с ним некое суперконцептуальное единство, – хотя бы так, как образуют его осетинская и русскоязычная осетинская литературы. Без ссылок на Нафи мои профессиональные позиции ущербны и не заслуживают никакого внимания.

Я именно хочу применить эту категорию *единства через взаимность*, математически упраздняющую границу между культурами и языками, к теории литературных влияний, которым Нафи Григорьевич, в соответствии со своей концепцией литературного билингвизма, также отказывает во взаимности при явном доминировании одного из литературных полюсов отношения [5, с. 3]. Я беру на себя смелость утверждать, что литературное влияние тоже всегда обоюдно: мы просто не располагаем инструментарием и временем (или желанием) для измерения малых и бесконечно малых степеней влияния.

Впрочем, почему же бесконечно малых? Доклады и статьи Нафи Григорьевича, растасканные на цитаты по всей России, его художественные тексты, переведенные на десятки языков – это ли не маркер влияния малой Осетии на нососферу и нравственный климат Евразии?

4. Необходимое и полезное. Отличие публицистики от собственно художественной литературы очевидно и по истокам, и по целеполаганию (хотя они, порой, трудно разграничиваются, образуя плотный органический симбиоз, – и это тоже говорит не в пользу рассматриваемой позиции), но в указанном аспекте, повторяю, я не вижу качественного и категорического отличия публицистики от художественной литературы. Последняя служит общению между народами гораздо дольше и эффективней.

Очевидно, что публицистика совершенно не достаточно для полноценного межнационального общения: потому и переводят с языка на язык стихи и прозу. В том числе переводят, слава Богу, и Нафи Григорьевича, и сам Нафи Григорьевич переводит, – в том числе самого себя: зачем, если в его распоряжении есть публицистика? И кстати: к какой культуре относить переводной ху-

дожественный текст (ставлю этот тривиальный вопрос, потому что имею на него виды для заключительной части)?

Опять же, если общение между народами действительно *необходимо*, то как это согласуется с предыдущим тезисом о безразличии малой части для большого целого: если России было безразлично, вошла в ее состав Осетия или нет, то зачем ей и слышать голос Осетии? Если Осетия ничего не меняет в государственном и культурном организме России, то какой смысл в общении? И не является именно это общение (в форме той же публицистики и литературной критики) одним из способов совершенствования и облагораживания указанного организма?.. Вопросы риторические, да и сам Н.Г. Джусойты дает на них четкие положительные ответы, в частности: малые народы России, перенеся нечеловеческие испытания, «вышли в добрый мир, *готовый слушать* (курсив мой. – *И.Х.*) их древнюю исповедь, мир, где люди стали братьями» [2, с. 15].

Именно так. В строгом академическом смысле осетинское русскоязычие сравнительно с «осетиноязычием» – это практическое бытийное выражение открытого нрава осетин и их способности к «поступательному развитию понятия мышления, мышления абстракциями все более высокого порядка», к переходу «от мифологического, то есть образно-эмоционального способа мышления, к мышлению понятийному» [11], при котором слова обозначают вещи «безотносительно к тому, «наши» они или «не наши», и открывается путь «для познания действительности как она есть, а не только как этого требует примитивный эгоизм коллектива» [12, с. 22].

Вслед за Васо Абаевым многие исследователи используют в своих рассуждениях о природе осетинского моно- и двуязычия категории необходимости и свободы, – и предполагают за скобками своих формулировок понятия *полезности, достаточности, возможности*; вероятно, и мне не помешает сверить свою позицию по всем этим проекциям.

Очевидно, нельзя сказать, что осетинской русскоязычной литературы для осетин было бы *достаточно*. С диалектической точки зрения необходимой и достаточной является для осетин осетинская *осетиноязычная* литература. Русскоязычная получает свою легитимность через бытие осетиноязычной традиции, а не наоборот. Русскоязычная традиция первична хронологически, но осетинская первична качественно и онтологически (с этим никто не может спорить). Но если нельзя сказать, что русскоязычная ветвь необходима, то надо сказать, что она *полезна*. Рабочая гипотеза моей диссертации состояла в том, что если «русскоязычное творчество нельзя рассматривать как *необходимое* звено в разви-

тии осетинской литературы» [13, с. 12], то нам ничто не мешает рассмотреть его как *возможное* звено и компонент осетинской литературной истории и культуры» [14, с. 4]. Теперь я могу к этому добавить, что *возможное* оказалось *действительным* и весьма *полезным*, – полезным в том числе и для развития осетинской *осетиноязычной* литературы, и, чтобы это опровергнуть, надо было бы положительно доказать, что осетинская русскоязычная литература осетинам либо *вредна*, либо *безразлична*. Если В.И. Абаев прав в том, что «владение русским языком не должно и не может наносить никакого ущерба родному языку» [3, с. 294], – тогда ни одно, ни другое не может быть правдой.

5. Коста как модель. Для возникновения литературы необходимы не только объективные социально-экономические обстоятельства (в том числе печать), но и настоящее чудо – талант или гений. Тот, кто движим только необходимостью, не творит литературы и истории. Свобода – вот творец. В том числе творец *необходимого*, каким стал «Ирон фандыр». Коста был свободой.

Некоторые наши литературоведы отсутствие читателя на осетинском языке называют в числе помех возникновения осетинской литературы. Откуда же было взяться читателю прежде книги? Просто кто-то должен был стать первым. Нужен был Коста – Коста явился. Коста был и необходимостью.

И это в то время как даже Гуго Дзасохов, первый критик и биограф К.Л. Хетагурова, считал его явлением «случайным, а не доказательством... поэтической одаренности... народа» [15].

Замечательно, что Коста является основоположником не только осетинской национальной литературы, но и осетинского национального (художественного) билингвизма. Я вдруг увидел, что это позволяет его наследие – и в синхронии, и в диахронии (его индивидуальное литературное русскоязычие тоже предшествовало осетиноязычию) – рассматривать как модель осетинской билингвальной литературы, причем именно в точке бифуркации, разветвления русскоязычной и осетиноязычной традиций. Коста – и модель, краткий курс осетинской литературы.

Что нам дает такая аллегория? Во-первых, мы видим, что и осетиноязычные, и русскоязычные тексты произрастают из одной души, из одного экзистенциального опыта. Следовательно, делить хетагуровское литературное наследие по признаку языка на два корпуса, относящихся к разным национальным литературам, было бы не анализом, а вивисекцией. Литературоведение не может удовлетворяться формулировками некрологов, подобными той, что была помещена в «Терских ведомостях»: «19 марта скончался знаменитый осетинский и известный русский

поэт Коста Хетагуров» [16, с. 608]. Арифметика не может быть национальной, а литература не может быть ни полинациональной, ни вненациональной (интернациональной – да).

Во-вторых, очевидно, нельзя утверждать ни гипотетически, ни доказательно, что русскоязычное творчество Коста повредило его осетиноязычному творчеству. Это означает, в свою очередь, что и русскоязычная ветвь осетинской литературной души не может и не хочет убить ее осетиноязычную ветвь, забрать себе ее жизненные соки.

Осетинская литература – «*песнь в два голоса*» (так называется повесть Нафи, которую автор, следуя традиции, восходящей к С. Бритаеву и Т. Бесаеву, сам перевел на русский язык, – с тех пор она абсолютно оправдала свое название). У русскоязычной ветви – свои жанровые приоритеты, своя методология, свои частные традиции (так было и в микрокосме творчества Коста), свои задачи. И, говоря о задачах, действительно надо сказать, что это, прежде всего, функция *внешних* связей культуры, внешней валентности. Работу, которую профессор Джусойты возлагает непосредственно и специально на критику и публицистику, делает русскоязычная литература *в целом*, включая, конечно, критику и публицистику.

Если двуязычие – судьба осетин, то такова же, как мы уже согласились (если я не слишком самонадеян), судьба осетинской литературы. Но гуманистические императивы Нафи Григорьевича патриархально жестки (что достойно не столько критики, сколько восхищения), и он законно указывает на отсутствие логики там, где хотя бы только умозрительно допускается возможность существования двух равно значимых языков для человека и народа: «...русский язык, – пишет он, – считаю своим. Не родным, нет. Родной язык у меня один, ибо двух матерей у ребенка не бывает» [17, с. 9]. С удовлетворением соглашаюсь с Нафи Григорьевичем в этом пункте. Тем более что эти строки написаны осетином на русском языке, – но при этом сполна выражают его национальное чувство: это и есть формула осетинского литературного транслингвизма.

Никто ведь не говорит о совершенном идейно-этическом паритете литературного осетинского языка и литературного русского языка для осетин. Здесь нет ни баланса, ни симметрии: русскоязычная осетинская ветвь не повторяет изгибы осетиноязычной (хоть и взаимодействует с ней, отвечая ее линии с тем неисповедимым изяществом, с которым соответствуют друг другу разные ветви одного дерева), – потому она, в конечном счете, и законна. Отличие собственно осетинской литературы от осетинской русскоязычной вполне синхронно семантической разнице между родным и своим, столь удачно подчер-

кнутой профессором Джусойты. В нашем случае не своя рубашка ближе к телу, а *родная*. Или, говоря академически: осетинская осетиноязычная литература входит в смысловое ядро осетинской культуры, а русскоязычная образует ее периферийную область; в русскоязычном осетинском тексте осетинское представляет собой культурно-психической *субстрат*.

Коста – идеальная модель осетинского билингвизма: он воспитан в осетинском языке, образован в русском, начал писать на русском, потом стал и на осетинском; на осетинском писал только кровью, на русском не только: иногда и обычными чернилами. Разница между художественными возможностями русского и осетинского языков Хетагурова очевидна (и она получила отражение даже в некрологе «Терских ведомостей» через оппозицию «знаменитый – известный»). Осетинский Коста – необходим, а русскоязычный – только полезен. В осетинском Коста – гений, в русском – только талант.

6. Поэтическая аргументация. Настаивая на монопольности национальной художественной литературы (кстати говоря, интересно было бы теоретически соотнести это с существованием дигорского литературного языка), Нафи Григорьевич заметил во время дискуссии на моей защите (к сожалению, я не имею возможности оформить ссылку по всем правилам): «Любопытно, что так думали и сами русскоязычные писатели из осетин. Например, Гиго Дзасохов все не считал себя осетинским писателем».

Самоидентификация автора в этнокультурном отношении – важное обстоятельство, но что Гиго не считал себя осетинским писателем (кстати, он ведь не считал себя и русским), не доказывает того, что он им не был. Коста тоже писал: «Я не поэт...». Филолог не обязан верить поэту на слово.

В другом месте указанной дискуссии Нафи Григорьевич сослался на А.С. Пушкина, чтобы показать, что представление о национальной литературе как о литературе одноязычной и прежде было естественно и бесспорно. Именно, он подробно трактует знаменитый прецедент пушкинского «Современника», в котором был опубликован «художественный очерк офицера русской службы черкеса Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай» и к которому «Пушкин сделал такое примечание»: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно» (Пушкин А.С. ПСС: в 10 т. – М.-Л., т. 7. С. 344). «Ясно, – пишет профессор Джусойты, – что и для Пушкина, и для Султана Казы-Гирея было бесспорным – писавший на русском языке «сын Кавказа» становится в ряды русских писа-

телей, а не создает черкесскую литературу» [2, с. 26].

Думается, Казы-Гирей все же интересуется Пушкина как писатель-черкес, а не как русский писатель. Если бы этот очерк написал поручик Иванов, он имел бы гораздо меньше шансов быть опубликованным в «Современнике». Отзыв Белинского, «несомненно ориентированный на текст пушкинского примечания», в этом отношении более прозрачен: «Долина Ажитугай» примечательна как произведение *черкеса* (курсив мой. – *И.Х.*), который владеет языком лучше многих почетных наших литераторов» [18, с. 180].

Интересно заметить, что «Долина Ажитугай» публикуется в окружении статьи барона Розена «О рифме» и повести Гоголя «Коляска». Таким образом, резюмирует И. Фрайман, «ряды наших писателей» составляют «остзейский немец, малоросс и русский дворянин африканского происхождения, который является издателем журнала. Теперь к ним прибавился и черкес» [19]. Действительно, несколько отвлеченное понимание *русского*. Абсолютно индифферентное к национальному параметру.

То есть речь снова о терминологии: если Казы-Гирея некорректно называть русскоязычным адыгским писателем, то симметричной крайностью было бы называть его и русским; думаю, Пушкин, говоря «ряды наших писателей», имел в виду *российских* писателей, писателей России. Но «российский» писатель и российская литература в строгом филологическом смысле станут возможны только тогда и при условии, когда и если сформируется российская нация, о которой можно будет сказать, как о русском: «Здесь русский дух...» Литература может быть только национальной и называться только национальным именем.

Пушкину не было нужды входить в эти тонкости. Вот почему, вообще говоря, впечатления поэтов – не вполне научные аргументы. Возможно, это нечто большее. Но это уже другой вопрос.

Делая эти вороватые заметки на полях Нафи Джусойты, я иногда чувствую, что пытаюсь спорить не только с профессором, но и с поэтом.

7. Линия и бифуркация. Русскоязычные тексты осетинских авторов, предшествующие осетиноязычным литературным опытам, профессор Джусойты называет «предысторией», «первоначальными опытами зарождавшейся национальной литературы», – однако в своей «Истории осетинской литературы» он дает достаточно подробную периодизацию этого *необязательного* периода осетинской литературы (тем самым включая предысторию в собственно историю). Притом периодизацию, которая ориентирует на «специфические особенности осетинской литературы» [20, с. 11] и, соответственно,

на индивидуальные перипетии истории осетинского народа (мухаджирство 1865 г., болезнь Коста): как бы это было возможно, если бы речь шла *не* об осетинской литературе?

«В художественном развитии исторически запоздалых народов, – пишет Н.Г. Джусойты, – обращение к инациональным языкам на ранних стадиях становления неизбежно и оправдано» [21, с. 5]. Означает ли это, что художественная литература на инациональном языке может рассматриваться как национальная литература до тех пор, пока нет литературы на родном языке? Что же происходит с русскоязычной традицией после появления на свет первых осетиноязычных художественных изданий – «Афхардты Хасана» А. Кубалова (1897) и «Ирон фандыр» Коста Хетагурова (1899), – или же к 1915–1917 гг., когда, по Нафи Григорьевичу, окончательно «сложилась собственно осетинская (осетиноязычная) литература»? То есть как это влияет на статус уже существующих на тот момент текстов и текстов, написанных впоследствии, вплоть до наших дней?

В концепции Нафи Григорьевича осетинская русскоязычная художественная литература – это определенный *отрезок* литературной истории, который прерывается в точке возникновения осетиноязычной традиции. Впредь этой литературы уже нет; исторически она представляет собой окаменелость, филологический артефакт. Все художественные тексты, что в дальнейшем пишутся осетинами на русском языке, относятся не к осетинской русскоязычной, а к русской литературе.

Я уже говорил об «охранительном» (прошу не вкладывать в это понятие одиозных реакционных смыслов) пафосе теории Нафи Джусойты. В рассматриваемом аспекте его можно сформулировать таким образом: «Тот, кто хочет называться осетинским писателем, пусть пишет на осетинском языке, *пусть* в первую голову говорит со своим народом (благо дело уже есть и печать, и прецеденты)».

Это – *монолингвальная линейная двухчастная* концепция истории осетинской (люблю – для народов РФ – национальной младописьменной) художественной литературы (свою – и не только свою – я назвал бы *бифуркационной*, с точкой бифуркации в сердце Коста).

Поскольку осетинская русскоязычная литература видится в ней как ограниченный отрезок литературного *прошлого*, я подозреваю, что мысль М.М. Ауэзова, которую С.А. Гринберг интерпретирует как промежуточное опровержение профессора Джусойты, на деле полностью совпадает в этом пункте с позицией Нафи Григорьевича. «Сроки языкового инобытия не бесконечны»: ясно, что речь идет о завершеном процессе временно необходимого русскоязычия, соответствующего историческим прецедентам, о которых говорит М.М. Ауэзов [22, с. 201], и ран-

нему, «доисторическому» литературному русскоязычию осетин. Ибо, если только речь идет (на момент говорения) о будущем, то неизбежно возражение: ведь не бесконечны и сроки *языкового бытия*, и *бытия* вообще. И сроки языкового бытия могут оказаться еще менее бесконечны, чем сроки языкового инобытия.

Об этом, в конце концов, и переживает Нафи Григорьевич.

Сегодня осетинам как никогда нужны обе литературные ветви. Змеиный раздвоенный язык, змеиная мудрость. Как хорошо, что подобные двусмысленные эпитеты нам, двуязычным, можно оставить без малодушных оговорок.

8. Умирание как жизнь. «Инобытие» – это, кстати сказать, оптимистический термин, поскольку он фиксирует третье, помимо бытия и небытия, состояние, причем и морфологически, и семантически «инобытие» – какое-никакое, а бытие.

Линейный взгляд различает только два состояния: есть литература (иноязычная) – и вдруг уже нет. Я же предлагаю, как минимум, войти в микрокосм этого «вдруг» и рассматривать то, что там есть, хотя бы как ино-бытие, хотя бы как умирание, как форму агонии осетинской культуры. Ведь очевидна разница между русскоязычием, скажем, Дзахо Гатуева и Алана Черчесова?..

Мне, русскоязычному, тоже понятна боль «страшно крепкого» и колючего толстовского «татарина», который тянут из родной земли, «по одному разрывая волокна» [23, с. 21–22]. Потому что – я слышу – от боли его душа все-таки не кричит и не бранится, а поет. О чем и как (и на каком языке?) – вот предмет нашей филологии.

Угасание национальной жизни в литературном процессе – тоже часть процесса; умирание – тоже жизнь. Осетинская русскоязычная литература – это живая по сей день ветвь осетинской литературы, которая только, чтобы ей действительно не стать симптомом умирания осетинской литературы, нуждается в любви, прививке и подрезке.

9. Ветви и корни. Профессор Джусойты и сам указывает на процессуальность и длительность рассматриваемого явления (что для рассматриваемой линейной концепции противоречиво), когда, в частности, говорит, что двуязычие – это «переходный период» к новому монолингвизму на основе инационального языка. Нафи Григорьевич подчеркивает частично ассимилятивный характер этого процесса в многонациональном государстве, при котором вместе с чужим языком воспринимается новая (чуждая) этико-психологическая сущность.

Очевидно, что это слишком категорично; вопрос в том и состоит, *что* позволяет Нафи Григорьевичу обходиться без оговорок: конечно, это

страстная любовь к родному языку. Но слово относится к мысли как внешнее к внутреннему; значит, дилемма между языком и содержанием как критериями национального текста решается здесь в пользу языка; значит, это более *формальный* взгляд, чем содержательный.

Нафи Григорьевич максимально актуализирует нераздельность языка и мышления (теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа в ее «сильной» версии [24]), из которой следует, что рано или поздно заимствованный язык нейтрализует национальную душу. Моя же вера состоит в том, что если такое случится, то мы не увидим и литературы; «совершенное владение языком не гарантирует *искусства*, подлинная литература произрастает только из этнокультурного корня» [9, с. 4] («без корней и кроны не будет» [25]).

Такой русскоязычной осетинской литературы сегодня тоже становится все меньше. Не только на осетинском языке пишут все меньше (настоящей литературы), но и на русском языке.

Повод для досады есть и у других народов: так, профессор В.И. Шульженко обращает внимание на тенденцию, плохо, мягко говоря, согласующуюся с реальной идейно-эстетической повесткой дня. В национальных северокавказских литературах сформировалась плеяда художников, отнюдь не лишенных талантов, но «которые пользуются в своих произведениях русским языком как средством «продвижения себя», (...) ради известности и популярности намеренно предавая забвению в своих текстах русскую культуру (не только родную. – *И.Х.*), не допуская даже намека на существование в мире чего-либо позитивного, связанного с понятием «русский» [26].

Стало быть, дело не в языке (не в языковых ветвях литературного древа: обе ветви страдают), а в корнях.

10. Своя бюрократия. В.И. Абаев в свое время выражал тревогу: «...среди части осетинской интеллигенции возникло *пренебрежение* к осетинскому языку» [3, с. 295] (курсив мой. – *И.Х.*).

Н.Г. Джусойты констатировал: «...все послевоенное шестидесятилетие осетинские власти и осетинская интеллигенция занимались... умышленным умерщвлением своего родного осетинского языка и довели дело до того, что ныне ООН объявила осетинский язык умирающим...»; «Судьба нашего национального языка не беспокоит лишь наше чиновничество, ибо оно (в своем большинстве) и не знает его, и не говорит на нем, читать книги на нем представляется ему глупым занятием» [27].

Т.Т. Камболов указал подробности механизмов этнической ассимиляции: «Москва дарует национальные права, например, право выбора

языка (к слову сказать, сегодня некоторые из этих милостей подобны дарам данайцев [28]), а местная бюрократия спешит воспользоваться этим правом, чтобы перевести все сферы жизнедеятельности на русский язык» [29].

Нас ассимилирует наша же осетинская бюрократия, а не русская. С ней и надо бороться.

11. Школа и ясли. Я думал: зачем профессор Джусойты ссылается на Гиго, позиция которого заведомо проигрышная, поскольку он, как показал сам Нафи Григорьевич, не верил в будущее осетинской национальной литературы (кстати, точно так же, как Елбасдуко Бритаев [30, с. 78–79])?.. Строго говоря, Гиго Дзасохов ошибался дважды (и насчет себя, утверждая, что он не осетинский писатель), и насчет осетинской литературы (утверждая, что ее нет и не будет). Но потом я понял композиционное значение ссылки на Гиго.

Нафи Григорьевич хотел, даже в ущерб собственным позициям, подчеркнуть солидарность с Гиго в смежном вопросе, о котором Гиго высказался крайне желчно: «Всякую попытку в деле создания национальной литературы для осетин, как и для всяких мелких племен Кавказа, надо признать праздной мечтой. Народ, не имеющий своей школы и своей науки (стало быть, трижды: и насчет науки ошибался Гиго! – *И.Х.*), не может иметь и своей литературы. Племена кавказские никогда не будут иметь своей школы. Вопрос этот историей уже решен. Над чем же еще ломать копья! Отдельные лица, вроде Коста Хетагурова, всегда могут появиться и писать стихи на всех языках. Но для создания литературы творений этих единиц очень мало» [Цит. по: 31].

Вот в чем согласен Нафи с Гиго: у нас отняли-таки школу. Или мы *отдали* ее.

Я обратил бы внимание на интонацию Гиго: высказывания первого осетинского критика о перспективах осетинской литературы (точнее, об отсутствии таковых) вызваны, очевидно, досадой на просвещение, обманувшей его ожидания. Досада Нафи, как мне представляется, того же порядка. И если в билингвальной концепции Джусойты есть бреши, то они свидетельствуют только о пренебрежении к деталям и тактике в условиях *стратегических* вызовов и глобальных для осетинской ойкумены опасностей: двуязычие – неустойчивая система и грозит обвалом в пользу заимствованного языка. «В такой ситуации, – говорит Н.Г. Джусойты, – остается одна надежда: быть может, нам удастся вернуть наши школы, хотя бы на уровне неполной средней, к обучению на родном языке, т. е. к тому, чтобы до 8 класса средней школы обучение шло на осетинском языке. Только в этом случае наши дети будут знать гораздо лучше, чем ныне, и родной, и русский язык. Если этого не добьемся, то наш

древний и прекрасный язык обречен на мучительное прозябание...» [27].

Это как минимум, и это очевидно; сложность именно в практическом исполнении этой умозрительной очевидности. Чтобы решить такую великую задачу, как возрождение языка – возвращение растущим поколениям «чувства языка» после того, как его «расстреляли с колена» [32], – нужен, может быть, грубый, вещественный инструмент, и, возможно, одной школы уже не достаточно. Языка уже нет в семьях, поэтому сначала нам нужны ясли. Нашему языку нужны ясли, чтобы он восстал с одра. Ясли Христа – и ясли Коста.

Но какова реальность? Если «предельный случай удовлетворения потребности идентичности – одноязычие» [33]; и если все что нам нужно – это идентичность, то двуязычный осетин – уже образец упадка. Даже Коста Хетагуров при таком угле зрения олицетворяет первую фазу национального декаданса, степень ассимиляции и аккультурации.

Кстати говоря, Коста и сам подтверждает правомерность такой оценки, как своей поэзией, в которой ярко выразился его комплекс Тазита («По мне ль твоя слава // И гордая честь?.. // Оставь меня, право, // Таким, как я есть...»; «Чей сын ожиданья // Отца оправдал?» [34, с. 19]), так и публицистикой, где он, например, цитирует пассаж А. Ардасенова из его книги «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» (Тифлис, 1896) (при этом вполне с ним соглашаясь): «Будучи еще в своей обычной среде (...), со своими скромными потребностями, далекий от искушений, влияний, подражаний, он (осетин. – *И.Х.*) был бесконечно счастливее современного осетина, симпатичнее, добрее, благороднее. Вместе с началом заимствований, вмешательством новых экономических и политических отношений, начались и бедствия» [35, с. 44].

Итак, второй язык – уже падение внутреннего престижа первого. Что же тогда сказать о третьем (как признаке нового уровня аккультурации), предполагаемом концепцией полилингвального образования профессора Т.Т. Камболова?

12. Теоретические основания веры.

Известная и цитируемая у осетин формула Васо Абаева «нет языка – нет народа» – это по-своему «языческая» формула: во-первых, она звучит безжалостно, как «зуб за зуб», во-вторых, справедливо отождествляя народ с языком («и назовет меня всяк сущий в ней язык»), тоже представляет дело таким образом, будто это (смерть народа вслед за смертью языка) происходит автоматически и в одночасье. В действительности это целая эпоха, вмещающая в себя жизнь нескольких поколений. Нужна *честная* ра-

бота – и, вполне возможно, осетины сподобятся украсить свою новейшую историю величайшей победой, превосходящей по значимости все завоевания их славных предков. Это тоже символ моей веры. Еще не вечер.

Я не буду уже говорить о прецедентах чудесного возвращения народов к родному языку (они относятся к более ранним эпохам и к другим объективным и субъективным историческим обстоятельствам), но научно-теоретическое основание этой веры состоит в том, что сознание национальности, при всей сложности ее зависимостей от языка и наоборот, существует дольше языка как средства коммуникации и орудия и материала художественного творчества. «Снижение «престижного потенциала» родного языка, а затем и гибель национального языка – только две нисходящие степени угасания самой национальности. Но *сознание* национальности обладает такой инерцией, что способно к конечному возрождению языка, восстановлению его престижного статус-кво» [9, с. 6].

Интересно прорисовывает механику этого гипотетического процесса М.М. Ауэзов, подчеркивающий, вслед за Ч. Гусейновым и Ч. Айтматовым, значение *сознательного целенаправленного действия* этнокультурной среды и «маргинальной» личности, с которой «существенно связано состояние языковой ситуации, ее негативная или позитивная перспектива». Ее «особое положение способствует тому, что она воспринимает культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и потому – крупномасштабно (или отстраненно и объективированно; ценность свидетельства маргинала в том, что маргинал совмещает в себе и субъект, и объект наблюдения. – *И.Х.*)... В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она (личность. – *И.Х.*) обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами... Если человек, оказавшийся в маргинальной ситуации, является по-настоящему творческой личностью, деятельность которой немислима без глубоко обоснованной мировоззренческой позиции, он необходимо восходит к уровню национального самосознания, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей. Совокупная деятельность творческих личностей, преодолевших уровень маргинальности и обретших себя в качестве субъектов национальной культуры, способствует в конечном итоге снятию противоречий двумя ее

«ветвями» и решению общих задач ее развития. (...) В ходе каких-то сложных внутренних процессов культура, испытавшая влияние, вырабатывает в себе энергию последующего активного развития, частным, но не переменным результатом которого является возрождение и новая жизнь собственного языка» [22, с. 201].

Хорошо, когда язык гарантирует национальное сознание; плохо, когда национальное сознание должно гарантировать язык; но сегодня для нас наступил именно такой момент, когда сознание национальности, сознание того, что мы – осетины («любовь шотландца к самому себе» [36, с. 159]), должно спасти и осетинский язык. Здесь тоже есть взаимность: не только язык активизирует сознание, но и сознание активизирует язык.

Важным представляется и другое замечание М.М. Ауэзова: «Никто со стороны не может обеспечить ему (языку. – *И.Х.*) жизнеспособность и долгожителство. Это внутреннее дело конкретного народа, его культуры и его национального самосознания. Каждый язык имеет колоссальный опыт выживаемости, в целом говорящий о том, что укрепление позиций языка тесно связано с поворотными в жизни различных этносов ситуациями, с их общей активностью в ходе решения поставленных перед ними историей крупных задач» [22, с. 202].

Конечно, сознание национальности (и даже сознание национальной принадлежности) не гарантировано от полного угасания. Но мы, как знательные осетины, должны воспользоваться кризисом и справедливыми (sic!) «санкциями» истории – ибо что такое недуг нашего языка, если не наказание? – как возможностью активировать свои духовные и интеллектуальные ресурсы.

Сознание национальности и национальное сознание – неиссякаемый источник силы и суверенитета; даже самоназвание народа – якорь, на котором может удержаться культура. Национальное чувство в человеке прочно и глубоко, и современность показывает, что оно, будучи подвержено давлению глобализации, у значительной части всех культурных и обладающих исторической памятью и опытом народов лишь обостряется. Эпоха национальных государств, которую некоторым не терпится закрыть, не закончилась. Только суверенное национальное государство (и добровольный союз таковых) является здоровой органической клеткой геополитического и геокультурного процесса, а транснациональные финансовые учреждения – это раковые опухоли на теле человечества.

Борьба за свою культуру и свой язык – это наша борьба за человечество и человечность.

13. Эмпирические основания веры.

Ч. Айтматов, говоря в том числе о необходимости

борьбы за язык как задаче, перед которой оказались многие современные народы, прибегает к литературоведческим понятиям: «На этом... кончается романтика и начинается проза бытия, ибо у каждого языка и наречия своя судьба, свои взлеты и падения, а подчас драматические проблемы и испытания – языки, по существу, отраженно претерпевают те же исторические изменения, что и их носители» [Цит. по: 22, с. 202].

«Онтогенез повторяет филогенез» [37]: закон Геккеля в определенном смысле работает и в этнологии; он является залогом того, что отдельный осетин (индивид) способен слышать и понимать судьбу всей Осетии (рода). Потому я – отдельный стебелек – смею рассуждать о родном, пользуясь известной метафорой Паскаля, «тростнике» вообще, его прошлым и будущим. Возможно, я тоже (как и Коста) – модель некоторых сложных процессов, а моя личная языковая история в каком-то смысле изоморфна истории осетинского языка (а также его настоящему и будущему). Вот она.

До трех лет, первые два года из которых я воспитывался в селе, я не знал ни одного русского слова. Родители, озаботившись этим обстоятельством, стали поощрять мое общение с городскими русскоязычными сверстниками, чтобы я был готов к обучению в школе. В течение года или двух я перешел на русский и на улице, и дома; уроки осетинского языка не только ничего не изменили, но заставили мой осетинский язык скукожиться и погрузиться на еще более глубокий субстратный уровень. Я очень хорошо помню, что в средних и старших классах, слушая дикторов на нашем телевидении, я понимал только отдельные слова и словосочетания, абсолютно не вникая в смыслы. Язык бытового общения мне был вполне понятен, но если старшие обращались ко мне по-осетински, я отвечал им на русском (явление типичное, чреватое острым конфликтом поколений), потому что не мог позволить себе говорить на родном языке с ошибками, как иностранец: самые доброжелательные упреки в плохом знании родной речи и безобидные насмешки за мое деградировавшее произношение решительно способствовали тому, чтобы я перестал даже пробовать говорить на родном языке. То есть я допускаю, что это признак не только пренебрежения, но и, напротив, некоторого пиетета перед родным языком. Я предпочитал молчать, как партизан, и незаслуженно слыл (особенно у сельских родственников) отроком замкнутым.

Потом отец стал давать мне распечатывать свои рукописи (у нас была старая печатная машинка). Постепенно, разбирая его манускрипты, писанные сложным и небрежным почерком, я погружался в микрокосм осетинской морфологии и синтаксиса, и в течение нескольких лет в боль-

шой, как могу судить, мере наверстал упущенное.

Язык дремал до поры в тени, на уровне субстрата; когда возникла нужда и началась сознательная работа, он поднялся к свету и воздуху. Не только тот язык, что я успел узнать за первые три года своей жизни (что это за язык!), но и тот, на котором тысячи лет говорили мои предки.

14. Молитва Нафи. На защите я обещал профессору Джусойты, что мое русскоязычие будет служить осетинской культуре, литературе и языку. С тех пор я, сколько могу смиренно и сосредоточенно, повторяю, приступая к своим филологическим штудиям, молитву Нафи: «О, великий русский язык! Помоги мне защитить от меня самого, от моей глупости, от моей нерадивости и небрежения мой родной язык! Да устыдит меня твой великий пример и научит быть достойным носителем родного языка!» [17, с. 9].

Мне кажется (да простят мне мои старшие такую самонадеянность), что до сих пор я держал свое слово. Я искреннее надеюсь, что моя монография каким-то образом способствует росту числа *сознательных* осетин. Мой товарищ утверждает, что я легализовал его, осетина русскоязычного, как собственно осетина, осетина в строгом культурологическом смысле, и теперь у него меньше причин комплексовать по поводу недостаточного владения родным языком. Мой товарищ говорит: «Старшие нам всегда внушали: кто не говорит по-осетински, тот не осетин... А может ли называть себя осетином тот, кто лжет, кто крадет или отнимает у ближнего, кто продает интересы народа, хотя бы он при этом говорил на отличном осетинском языке?»

То есть, немало ведь людей (предположу ради юмора, что они, вероятно, еще не читали моей монографии), открыто безразличных к настоящему и будущему осетинского языка, который они понимают только как способ говорить тосты или сквернословить.

Конечно, язык, как уже отмечалось, является минимальной гарантией национального сознания (посредством которого оно гармонирует и *резонирует* с исторической и генетической памятью – голосом предков), но ведь нельзя сказать, что степень владения родным языком у отдельного человека прямо пропорциональна мере его национального сознания и ответственности.

15. Холодный ветер. «Я... убежден, – пишет профессор Джусойты, – что нет на свете писателей, пишущих не на родном языке» [38, с. 56]. Опуская его аргументацию этого утверждения, я возьму на себя смелость утверждать, что это замечание Нафи Григорьевича остроумно и разительно логично (хотя, предвижу, *лингвисты* с этим не согласятся).

В самом деле: человек может владеть многими языками, но им самим сполна владеет только один. Это онтологическое свойство человека.

Но что же нам делать: неужели объявить всех русскоязычных осетин – русскими? Признаюсь (это мне не трудно), я не только говорю, но и пишу на русском языке, но я не уверен, что я *ду-маю по-русски*.

В одном из последних интервью профессору Джусойты был предложен вопрос о современной «молодежи, пишущей стихи и прозу только на русском языке», и его отношении к «термину, [даже] закрепившемуся в литературоведении, – «осетинская русскоязычная литература (ОРЯЛ)». «Термин ОРЯЛ, – ответил на это Нафи Григорьевич, – сочинили писатели, которые пишут на русском языке, но не стали русскими писателями. Это пустотелый термин» [27].

Термин и аббревиатура мои: говорю это не из тщеславия (кто бы стал хвастаться изобретением пустотелого термина!), а из чувства ответственности, подобающего осетину, хотя бы и русскоязычному. Но и обиды не чувствую: напротив, я рад, что, пользуясь русским языком, так и не стал русским писателем. Стало быть, и термин не так уж безоснователен.

Другой язык не так легко убивает свою национальность, как кажется. Я говорю и пишу на русском языке, но если мне скажут, что я не осетин, – я буду оскорблен. И, конечно, не потому, что считаю постыдным быть русским, а потому, что считаю постыдным не быть осетином, коль скоро я осетином рожден. В этом можно усмотреть повод и для следующего возражения: «Уж если Гиго Дзасохов мог ошибаться, утверждая, что он не осетинский писатель, то ты давным-давно можешь ошибаться, утверждая, что ты не русский».

Но, если так, отчего у меня шевелятся волосы на голове и дует холодный ветер между лопаток, когда я читаю вот эти строки Нафи Джусойты: «Прощай и ты, мой брат, мой мальчик, Берд! Придет время, и ты пойдешь этой же дорогой, так помни простые песни нашей земли. Забудешь – душа онемееет: захочешь петь (...) и (...) не сумеешь; захочешь за правду постоять, но не отличишь ее от кривды; захочешь сделать людям добро, но не найдешь в душе мужества свершить. Да минует тебя эта безмерная беда!» [39, с. 396].

16. Красный цветок. «Судить о будущем... Осетии мне очень трудно, – признается Нафи Григорьевич. – Ныне любители высокого красноречия... охотно говорят о национальной идее... Между тем национальная идея у всех народов на планете Земля одна. И смысл ее прост и однозначен – все народы хотят быть вечными и благополучными. Вечность же народа – его

благополучная национальная судьба... зависит от живого и всемерного функционирования его национального языка. Это элементарная истина, которая так и не усвоена нашим народом, не осмыслена национальным самосознанием... поэтому душа [моя] мрачна, когда [я] думаю... о грядущем Осетии...» [27].

Горько и страшно слышать такие слова от классика. Ибо они опосредованно указывают, что для спасения нам нужна не средняя школа, а Задалесская Нана, что осетинский язык может быть реанимирован только в условиях *карантина*. В этом, мне кажется, есть не только неподдельное драматическое чувство, но и диалектический смысл.

Миссия современных горских просветителей в определенном смысле противоположна миссии прежних: теперь они должны защищать народ от излишнего света; настоящий просветитель не боится прослыть обскурантом, когда речь идет о судьбах языка и народа. Он, как безумный герой Гаршина, на своей собственной груди хочет раздавить красный цветок, личным осмыслением обезвредить яд прогресса. Яд «просвещения» (Н.Н. Страхов) и «образованщины» (А.И. Солженицын) [40, с. 11].

17. Беда и победа. Здесь и сейчас, уже завершая, слава Богу, свои субъективные записки, я не головой, а сердцем начинаю вникать, что Нафи, размышляя о нашем языке и литературе, говорит о грядущем: о судьбах Осетии в грядущем мире и, по большому счету, о судьбах этого мира. Ведь мир (не то что Россия!) без Осетии и осетинского языка – это совсем не тот же мир, в котором процветает Осетия, звучит осетинская речь, и каждое утро непременно, как восход солнца, выходит в свет осетинская газета.

У Нафи – не только строгое суждение, но и *осуждение*. Не вполне согласованная в деталях, концепция билингвальной проблематики Н.Г. Джусойты имеет для осетинской культуры серьезное жизненное значение предостережения и суггестии, в то время как данные замечания могут, в лучшем случае, претендовать на значение компиляции, пусть филологически более или менее последовательной.

И именно ради последовательности следует сказать, что профессор Джусойты, пугающий, бьющий тревогу, дает и надежду и утешение. Я не говорю уже о его художественных произведениях, которые, сознаюсь, пока еще не имею, именно в силу осуждаемого Нафи осетинского русскоязычия (не русского языка!), возможности оценить во всей полноте их искусства и глубины (один из величайших пробелов в моем образовании); но вот – послушайте, что писал Нафи Григорьевич не так давно, не настолько давно, чтобы этого не услышать сегодня: «...Преображение чувства сво-

его языка мне видится... в том, что мы, работники культуры малых народов, освободились от гнетущего страха за судьбы своих родных языков.

Я порой удивляюсь тому, сколь много было отчаяния, неверия, безнадежности в высказываниях дореволюционных осетинских литераторов о родном языке. Кто только не пророчил ему скорое исчезновение. Как только не хотели его иные деятели оградить от соприкосновения с другими языками. Но (...) изоляция ведет не к развитию, а к угасанию живого языка.

Не много лет пока «великой семье» наших народов и языков, но и за эти годы мой язык в своем развитии добился многого. Во всяком случае, за последние три столетия на осетинском языке никогда не говорило столько людей, сколько в наши дни, и так грамотно, как ныне» [17, с. 8].

Совсем другая интонация – и другая тенденция, и это простое наблюдение Нафи Григорьевича (которого раньше я отчего-то не наблюдал) меня потрясло и безмерно обрадовало. Конечно, оно относится к другой эпохе и, в известном смысле, к другой Осетии: здесь характеризуется положительный, в лотмановском смысле, «взрыв» осетинской культуры в советский период, вызванный социально-экономическими обстоятельствами, демографическим всплеском, – но эти материалистические оговорки бессильны против моего идеального восторга.

«Так «чердам фæдис?» – спрашиваю я себя, некстати вспомнив Бритаева [41, с. 191–102], – где пожар? куда бежать?» Смогли один раз – сможем и в другой. Нужно, по меньшей мере, чтобы росло народное тело, нужно обустривать наши города и села, обживать наши долины и горы, рыть колодцы и шахты, строить, во имя Уастырджи, дороги, писать, с упорством Нафи, книги, любить друг друга по завету Христа и Коста – и осетинский язык возродится, как Феникс!..

Ближайшая задача – погасить негативную тенденцию, удержать язык в нынешнем статусе и, в перспективе, выйти на реальную (не только в виду роста населения) положительную динамику – пусть в бесконечно малых величинах. Тогда у нашего языка будет и бесконечность...

Когда-то – приступая к этим заметкам (как давно это было!) – я, чуть не потирая руки, намеревался в финале еще раз показать, как мои оппоненты (Нафи – только самый главный и любимый из них) попадают в «тавтологические капканы». Теперь я слышу только спокойный голос Нафи: «Осетинской художественной литературой можно признать только произведения, созданные на осетинском языке». И я, слово чести, уже не знаю, что здесь можно возразить. Да и не хочу. Устал я тащить этот воз. В условиях, когда осетинский язык усыхает, как шагреневая кожа, осетин не может с легким сердцем писать на рус-

ском языке, называясь при этом не только осетинским, не только русскоязычным, но и вообще писателем. Здесь есть правдивость, перед которой я робею и смиряюсь. То есть, существуют в микрокосме этой проблемы такие сферы, где научная аргументация не работает (или работает плохо, а исключений из каждого верного, казалось бы, наблюдения больше, чем примеров). Подобно тому, как законы Ньютона не работают в области квантовой механики (может быть, именно туда – в область малых величин и тонких обстоятельств зовет профессор Джусойты, который не стесняется своих противоречивых и непостоянных построений?).

Теперь важно и другое. Филология дорога мне не только как способ познания, но и как способ участия в осетинской истории, как возможность почувствовать и осознать себя частью чего-то большего и долшего. Васо Абаев писал: «...каждый раз, когда я пожимал руку Цоцко, я думал о том, что эта самая рука пожимала также руку, написавшую «Ирон фандыр». И эта мысль наполняла меня каким-то благоговением, и сам Цоцко становился мне еще дороже» [42, с. 559].

Каждый раз, пожимая руку Нафи, я тоже думаю, что эта крепкая рука пожимала руку Васо, и, значит, между мной и Коста – всего лишь три рукопожатия: рукой подать!.. Вот как близки мы все – живые и мертвые – стоим друг к другу.

Мне нравилось некогда Юнгово сравнение народа с «большим слепым червем» [Цит. по: 43], ползущим за своей судьбой. Уже не нравится. Народ – Сверхличность. Если русский народ больше Толстого, Достоевского и Пушкина [44, с. 159], то и осетинский – больше Коста, больше Васо, больше Нафи. Как можно не верить в такую величину?.. Сомневаться в ее победе?

Осетины ли не умеют сражаться и побеждать? Им ли не знакома «кровавая краса и смертная отвaga» [32]?

И мифические, и реальные предки осетин всегда были субъектом истории, а не объектом. Также сами осетины: сначала субъектом Российской империи, потом субъектом Советского Союза, а ныне – субъектом Российской Федерации. Мало того: сегодня осетины – один из двух

малочисленных народов Кавказа, обладающих государственным суверенитетом и выступающих субъектом международного права.

«Язык лишь в той мере имеет право на солидарное и уважительное к себе отношение, в какой его носители умеют отстаивать свои и общечеловеческие идеалы и ценности» [22, с. 202]. Мы можем с гордостью говорить (хотя лучше, конечно, со смирением, которого мне здесь не хватило, об этом молчать), что с Осетии (именно с Южной), благодаря стойкости, духу и разуму ее *народоличности*, началось возрождение России как мировой державы. Осетины пробудили русских к сознанию их великой исторической миссии, – и вот: вчера мы взяли Крым и защитили Донбасс (тоже ведь земли наших предков – и мифических, и реальных), – а сегодня уже спасаем мир от чумы сирийских пустынь. Все это стало возможно потому, что у нашего народа – единая и цельная душа, которой все еще владеет наш древний и славный, наш метафизичный и «прекрасный» [45, с. 29] язык...

Я не раз говорил, что недавно актуализированное понятие «русского мира» соответствует и осетинским представлениям о земле обетованной правды: вот почему (помимо сугубо лингвистических оснований) нам близок и русский язык; может быть, не стоит все-таки рубить русскоязычную ветвь осетинской литературы?..

Дерево – красивая аллегория литературы и вообще любого органического процесса в его сложном разветвляющемся развитии. Подойдя ближе, встав под кроной осетинского литературно-генеологического древа, я различаю даже не две, а три ветви: иронскую, дигорскую, русскую. Присмотревшись, различаю еще одну коротенькую, опаленную предательским пожаром – грузиноязычную...

Пусть растет и цветет, поднимаясь к солнцу, наш литературный Иггдрасиль, наша Яблоня Нартов, пусть наливаются целительным соком мудрости его золотые плоды, пусть храбрые младшие Нарты зорко стерегут его от злокозненных покушений.

А Нафи-Урузмаг не даст уснуть нашей совети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: в 2-х т. – Москва: Мысль, 1990. Т. 2.
2. Джусойты Н.Г. О национальной самобытности писателя // Джусойты Н.Г. Книга друзей. – Нальчик: Эльбрус, 2003.
3. Абаев В.И. За родную речь // Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995.
4. Рамонов С.Д. «Русскоязычие» как проблема национальной литературы // Дарьял, 1996. № 1.
5. Джусойты Н.Г. О влиянии и национальном такте (выступление на конференции по литературным связям в Институте мировой литературы АН СССР 24–26 декабря 1963 г.) // Вестник ВНЦ, 2015. № 1.
6. Абаев В.И. Отзыв о диссертации Н.Г. Джусойты «История осетинской литературы: дореволюционный период», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук // Письма Васо Абаева / Сост. Н.Г. Джусойты. – Цхинвал: Южная Алания, 2008.
7. Абаев В.И. Значение ареальных контактов в истории языка // Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995.
8. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Айрис-пресс, 2004.
9. Хугаев И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник ВНЦ, 2013. № 1.
10. Гринберг С.А. Белорусско-русский художественный

- билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах. Автореф. дис. кандидата филолог. наук по спец. 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – М., 2011. – URL: <http://www.dissertat.com/content/beloruskorussskii-khudozhestvennyi-bilingvizm-v-kognitivno-diskursivnom-i-lingvokulturologi> [дата обращения: 21.08.2015].
11. **Дзугаев К.Г.** Осетинская синтагма // Дарьял, 2015. № 4. – URL: http://www.darial-online.ru/2015_4/dzugaev.shtml [дата обращения: 15.10.15].
12. **Абаев В.И.** Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995.
13. **Джусойты Н.Г.** История осетинской литературы: в 2-х ч. – Тбилиси, 1980. Ч. 1.
14. **Хугаев И.С.** Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ: Ир, 2008.
15. **Ольшанский А.А.** Литературное движение в Осетии. – URL: <http://www.olshanski.ru/dialektichnost-pozicii/> [дата обращения: 31.10.15].
16. **Летопись жизни и творчества К.Л. Хетагурова** // Хетагуров К.Л. Полн. собр. Соч.: в 5 т. – Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 1999-2001. Т. 5.
17. **Джусойты Н.Г.** Распри позабыв. Письмо Василию Быкову // Джусойты Н.Г. Книга друзей: Сочинения последних лет. – Нальчик: Эльбрус, 2003.
18. **Белинский В.Г.** Несколько слов о «Современнике» // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М., 1953. Т. 2.
19. **Фрайман И.** К анализу одного пушкинского примечания. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/13/frayman13.shtml> [дата обращения: 08.09.15].
20. **Салагаева З.М.** От Нузальской надписи к роману. Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. – Владикавказ: Ир, 1984.
21. **Джусойты Н.Г.** История осетинской литературы (до-революционный период). Автореф. дис. доктора филолог. наук. – М., 1968.
22. **Ауэзов М.М.** Иппокрена. Хождения к колодцам времен // Мегалог, 2010. № 3. – URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/4a2/4a2aa9d6039fe79e59ac779df70c0558.pdf> [дата обращения: 19.09.15].
23. **Толстой Л.Н.** Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1978-1985. Т. 14.
24. **Преловская Д.** Теория лингвистической относительности: аргументы «за» и «против». – URL: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/krasnyh/Prelovskaya.doc> [дата обращения: 19.09.15].
25. **Мамий Р.Г.** Теоретические и методологические проблемы изучения национальных литератур: научная школа академика Г.Г. Гамзатова. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy-izucheniya-natsionalnyh-literatur-nauchnaya-shkola-akademika-g-g-gamzatova> [дата обращения: 17.08.15].
26. **Шульженко В.И.** Русская культура на северном Кавказе: взгляд изнутри. – URL: <http://ruskav.ru/11/kavkaz02/607.php> [дата обращения: 05.10.15].
27. **Джусойты Н.Г.** «Судьба нашего языка...» [Беседу вел Асланбек Мзоков] // Пульс Осетии. – URL: <http://www.pulsosetii.ru/article/4197> [дата обращения: 25.10.15].
28. **Хакушева М.А.** «Новая» языковая политика и старый метод подмены. – URL: <http://kavpolit.com/blogs/position/5565/> [дата обращения: 30.10.15].
29. **Камболов Т.Т.** Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – URL: <http://ironau.ru/khaebic/kambolov-3.pdf> [дата обращения: 07.09.15].
30. **Бритаев Е.Ц.** Судьба осетинской литературы // Бритаев Е.Ц. Соч.: в 2-х т. – Орджоникидзе: Ир, 1982.
31. **Ольшанский А.А.** Литературное движение в Осетии. – URL: <http://www.olshanski.ru/dialektichnost-pozicii/> [дата обращения: 31.10.15].
32. **Джусойты Н.Г.** «Мир спасут книга и преданность идеалу справедливости» [Беседу вел Тамерлан Техов]. – URL: <http://osetia.kvaiva.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas-nafidzhusoyty-mir-spasut-kniga-i-predannost-idealu-spravedlivosti/> [дата обращения: 05.11.15].
33. **Алпатов В.М.** Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 11-24. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/alpatov-14.htm> [дата обращения: 26.09.15].
34. **Хетагуров К.Л.** Надежда // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: в 5 т. – Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 1999-2000. Т. 1.
35. **Хетагуров К.Л.** Владикавказские письма («В последнее время...») // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: в 5 т. – Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2000. Т. 4.
36. **Скотт В.** Роб Рой // Скотт В. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1990. Т. 4.
37. **URL:** http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/palmer/06.php [дата обращения: 06.12.15].
38. **Джусойты Н.Г.** Что это такое – родной язык писателя? // Джусойты Н.Г. Книга друзей: Сочинения последних лет. – Нальчик: Эльбрус, 2003.
39. **Джусойты Н.Г.** Песнь в два голоса // Джусойты Н.Г. Реки вспять не текут. – М.: Советский писатель, 1981.
40. **Антонов Е.А.** Идеи Н.Н. Страхова о просвещении и их современное звучание // Шестые Страховские чтения: филологические проблемы понимания в культуре и науке: Материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25-26 нояб. 2010 г. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – URL: file:///C:/Users/Admin/Desktop/Strahov_chneniya.pdf [дата обращения: 05.11.15].
41. **Бритаев Е.Ц.** Чердэм фæдис? // Бритаев Е.Ц. Сочинения: в 2-х т. – Владикавказ: Ир, 2002. Т. 2.
42. **Абаев В.И.** Светоч народа // Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1995.
43. **Толланд Дж.** Адольф Гитлер. – URL: <http://rushist.com/index.php/toland-adolf-gitler/895-myunkhenskoe-soglashenie-1938> [дата обращения: 06.11.15].
44. **Горький М.** Еще о «карамазовщине» // М. Горький о литературе. – М.: Советский писатель, 1955.
45. **Егшире** // Армянские источники об аланах. – Ереван, 1985. Вып. 1.

OSSETIAN YGGDRASIL. NOTES TO THE CONCEPT OF BILINGUAL OSSETIAN REFERENCES BY PROF. N.G. DZHUSOYTY

Hugaev I.S.

Ph.D., a leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center RAS

Abstract. The principles and algorithms for solving issues of language criterion in literature proposed by professor N.G. Dzhusoyty, mono-/bi-/translingvism of Ossetian national literature, genesis, current state and prospects of Ossetian literature in the linguistic aspect are discussed in the article.

Keywords: Nafi Dzhusoyty, Ossetian literature, Ossetian language, bilingualizm, translingvism, line and bifurcation, national school, ethnic and cultural roots.

REFERENCES

1. Nitsse F. Tak govoril Zaratustra // Nitsse F. Soch.: v 2-kh t. – Moskva: Mysl', 1990. T. 2.
2. Dzhusoity N.G. O natsional'noy samobytnosti pisatelya // Dzhusoity N.G. Kniga družey. – Nal'chik: El'brus, 2003.
3. Abaev V.I. Za rodnuyu rech' // Abaev V.I. Izbrannye trudy: Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie. – Vladikavkaz: Ir, 1995.
4. Ramonov S.D. «Russkoyazychie» kak problema natsional'nykh literatur // Dar'yal, 1996. № 1.
5. Dzhusoity N.G. O vliyani i natsional'nom takte (vystuplenie na konferentsii po literaturnym svyaziyam v Institute mirovoy literatury AN SSSR 24–26 dekabrya 1963 g.) // Vestnik VNTs, 2015. № 1.
6. Abaev V.I. Otzyv o dissertatsii N.G. Dzhusoity «Istoriya osetinskoy literatury: dorevolutsionnyy period», predstavlennoy na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk // Pis'ma Vaso Abaeva / Sost. N.G. Dzhusoity. – Tskhinval: Yuzhnaya Alaniya, 2008.
7. Abaev V.I. Znachenie areal'nykh kontaktov v istorii yazyka // Abaev V.I. Izbrannye trudy: Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie. – Vladikavkaz: Ir, 1995.
8. Gumilev L.N. Konets i vnov' nachalo. – M.: Ayris-press, 2004.
9. Khugaev I.S. O grani tsakh i kriteriyakh natsional'noy translingsval'noy literatury // Vestnik VNTs, 2013. № 1.
10. Grinberg S.A. Belorussko-russkiy khudozhestvennyy bilingvizm v kognitivno-diskursivnom i lingvokul'turologicheskom aspektakh. Avtoref. dis. kandidata filolog.nauk po spets. 10.02.20 Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie. – M. 2011. – URL: <http://www.dissertat.com/content/belorussko-russkii-khudozhestvennyi-bilingvizm-v-kognitivno-diskursivnom-i-lingvokulturologi> [data obrashcheniya: 21.08.2015].
11. Dzhugaev K.G. Osetinskaya sintagma // Dar'yal, 2015. № 4. – URL: http://www.darial-online.ru/2015_4/dzugaev.shtml [data obrashcheniya: 15.10.15].
12. Abaev V.I. Otrazhenie raboty soznaniya v leksiko semanticheskoy sisteme yazyka // Abaev V.I. Izbrannye trudy: Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie. – Vladikavkaz: Ir, 1995.
13. Dzhusoity N.G. Istoriya osetinskoy literatury: v 2-kh ch. – Tbilisi, 1980. Ch. 1.
14. Khugaev I.S. Genezis i razvitiye russkoyazychnoy osetinskoy literatury. – Vladikavkaz: Ir, 2008.
15. Ol'shanskiy A.A. Literaturnoe dvizhenie v Osetii. – URL: <http://www.olshanski.ru/dialektichnost-pozicii/> [data obrashcheniya: 31.10.15].
16. Letopis' zhizni i tvorchestva K.L. Khetagurova // Khetagurov K.L. Poln. sobr. Soch.: v 5 t. – Vladikavkaz: Izd-vo SOIGSI, 1999-2001. T. 5.
17. Dzhusoity N.G. Raspri pozabyv. Pis'mo Vasilyu Bykovu // Dzhusoity N.G. Kniga družey: Sochineniya poslednikh let. – Nal'chik: El'brus, 2003.
18. Belinskiy V.G. Neskol'ko slov o «Sovremennike» // Belinskiy V.G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. – M., 1953. T. 2.
19. Frayman I. K analizu odnogo pushkinskogo primechaniya. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/13/frayman13.shtml> [data obrashcheniya: 08.09.15].
20. Salagaeva Z.M. Ot Nuzal'skoy nadpisi k romanu. Problemy genezisa i stanovleniya osetinskoy prozy. – Vladikavkaz: Ir, 1984.
21. Dzhusoity N.G. Istoriya osetinskoy literatury (dorevolutsionnyy period). Avtoref. dis. doktora filolog. nauk. – M., 1968.
22. Auezov M.M. Ippokrena. Khozhdeniya k kolodtsam vremen // Megalog, 2010. № 3. – URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/4a2/4a2aa9d6039fe79e59ac779df70c0558.pdf> [data obrashcheniya: 19.09.15].
23. Tolstoy L.N. Khadzhi-Murat // Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch.: v 22 t. – M.: Khudozh. lit., 1978-1985. T. 14.
24. Prelovskaya D. Teoriya lingvisticheskoy otnositel'nosti: argumenty «za» i «protiv». – URL: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/krasnyh/Prelovskaya.doc> [data obrashcheniya: 19.09.15].
25. Mamiy R.G. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy izucheniya natsional'nykh literatur: nauchnaya shkola akademika G.G. Gamzatova. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy-izucheniya-natsionalnykh-literatur-nauchnaya-shkola-akademika-g-g-gamzatova> [data obrashcheniya: 17.08.15].
26. Shul'zhenko V.I. Russkaya kul'tura na severnom Kavkaze: vzglyad iznutri. – URL: <http://ruskav.ru/11/kavkaz02/607.php> [data obrashcheniya: 05.10.15].
27. Dzhusoity N.G.: «Sud'ba nashego yazyka...» [Besedu vel Aslanbek Mzokov] // Pul's Osetii. – URL: <http://www.pulsosetii.ru/article/4197> [data obrashcheniya: 25.10.15].
28. Khakuasheva M.A. «Novaya» yazykovaya politika i staryy metod podmeny. – URL: <http://kavpolit.com/blogs/position/5565/> [data obrashcheniya: 30.10.15].
29. Kambolov T.T. Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Severnoy Osetii: istoriya, sovremennost', perspektivy. – Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU, 2007. – URL: <http://ironau.ru/khaebic/kambolov-3.pdf> [data obrashcheniya: 07.09.15].
30. Britaev E.Ts. Sud'ba osetinskoy literatury // Britaev E.Ts. Soch.: v 2-kh t. – Ordzhonikidze: Ir, 1982.
31. Ol'shanskiy A.A. Literaturnoe dvizhenie v Osetii. – URL: <http://www.olshanski.ru/dialektichnost-pozicii/> [data obrashcheniya: 31.10.15].
32. Dzhusoity N.G.: «Mir spasut kniga i predannost' idealu spravedlivosti» [Besedu vel Tamerlan Tekhov]. – URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/nafi-dzhusoity-mir-spasut-kniga-i-predannost-idealuspravedlivosti/> [data obrashcheniya: 05.11.15].
33. Alpatov V.M. Yazykovaya politika v Rossii i mire // Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire. – M., 2014. – S. 11-24. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/alpatov-14.htm> [data obrashcheniya: 26.09.15].
34. Khetagurov K.L. Nadezhda // Khetagurov K.L. Poln. sobr. soch.: v 5 t. – Vladikavkaz: Izd-vo SOIGSI, 1999-2000. T. 1.
35. Khetagurov K.L. Vladikavkazskie pis'ma («V poslednee vremya...») // Khetagurov K.L. Poln. sobr. soch.: v 5 t. – Vladikavkaz: Izd-vo SOIGSI, 2000. T. 4.
36. Skott V. Rob Roy // Skott V. Sobr. soch.: v 8 t. – M.: Pravda, 1990. T. 4.
37. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_BuKs/Psihol/palmer/06.php [data obrashcheniya: 06.12.15].
38. Dzhusoity N.G. Chto eto takoe – rodnoy yazyk pisatelya? // Dzhusoity N.G. Kniga družey: Sochineniya poslednikh let. – Nal'chik: El'brus, 2003.
39. Dzhusoity N.G. Pesn' v dva golosa // Dzhusoity N.G. Reki vsypat' ne tekut. – M.: Sovetskiy pisatel', 1981.
40. Antonov E.A. Idei N.N. Strakhova o prosveshchenii i ikh sovremennoe zvuchanie // Shestye Strakhovskie chteniya: filosofskie problemy ponimaniya v kul'ture i nauke: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Belgorod, 25-26 noyab. 2010 g. – Belgorod: Izd-vo BelGU, 2010. – URL: file:///C:/Users/Admin/Desktop/Strahov_chteniya.pdf [data obrashcheniya: 05.11.15].
41. Britaev E.Ts. Cherdæm fædis? // Britaev E.Ts. Sochineniya: v 2-kh t. – Vladikavkaz: Ir, 2002. T. 2.
42. Abaev V.I. Svetoch naroda // Abaev V.I. Izbrannye trudy: Religiya, fol'klor, literatura. – Vladikavkaz: Ir, 1995.
43. Tolland Dzh. Adol'f Gitler. – URL: <http://rushist.com/index.php/tolland-adolf-gitler/895-myunkhenskoe-soglashenie-1938> [data obrashcheniya: 06.11.15].
44. Gor'kiy M. Eshche o «karamazovshchine» // M. Gor'kiy o literature. – M.: Sovetskiy pisatel', 1955.
45. Egishe // Armyanskie istochniki ob alanakh. – Erevan, 1985. Vyp. 1.

